

Опыт привыкания к полярной ночи

Культура. — 2003 — 3-9 апр. — с. 6

К 135-летию со дня рождения Максима Горького

Тому, что в июне 1929 года «буревестник пролетарской революции» Максим Горький посетил Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) и эта поездка произвела на него неизгладимое впечатление, в школе не учили. Учили другому, тому, что Горький — романтик, борец, новатор, правдолюб, знаток жизни, да и, наконец, просто автор «своевременной книги» — романа «Мать».

Вполне понятно, что после такого «послужного списка» всякое упоминание имени нижегородского «высочки» Алеши Пешкова вызвало сначала законное раздражение, потом зевоту и, наконец, вполне закономерный вопрос: «Неужели о Горьком еще можно что-то сказать и не выглядеть при этом лишь ностальгирующим маргиналом, таким поклонником безвременно почившего социалистического реализма? И нужно ли о нем вообще говорить сейчас?» Оказывается, можно и нужно!

Это в полной мере доказали создатели документального фильма «Страсти по Максиму» — автор сценария Павел Басинский, режиссер Максим Гуреев, оператор Юрий Журавлев, показанного в прошлые выходные на телеканале «Культура».

Прием, избранный авторами, — «открытие одинокого странника», а в нашем случае «публично одинокого» творца — вероятно, не слишком оригинален, но зато необычайно точно отражает сущность и мироощущение Алексея Максимовича, который действительно подобен страннику, что «бредет, сам не зная зачем и куда». На этот раз дорогу писателю указывает всемогущий ОГПУ, и он «забредает» на Со-

ловки, где, может быть, впервые начинает понимать, что знаменитый СЛОН, которым многие десятилетия спустя пугали советских детей и их родителей, абсолютно реален, даже более чем реален. Он везде и во всем, а для того, чтобы его посетить, совершенно не обязательно ехать на Белое море.

Именно это тягостное осмысление собственной несвободы на фоне перманентного «советского счастья» — бесконечные парады, чествования, демонстрации, — и создает то трагическое напряжение, нарастание которого отражено в фильме необычайно точно.

Длинные медленные панорамы, переходы от крупных деталей на переднем плане до общих полуразмытых, как бы извлеченных из глубины воспоминаний картин, ненавязчивые реконструкции — лежащий в воде патефон, костер в лесу, длинная череда проходящих перед нами известных и неизвестных лиц — друзей, врагов и просто современников Горького — отличают изобразительную манеру фильма, определяя его именно не как теле-, а кинопроизведение. Кажется, что создаателям «Страстей...» необычайно важна и интересна каждая деталь, каждая подробность, которая впоследствии, вероятно, может и не стать решающей в понимании происходящего на экране. Просто медитация, наблюдение — например, торчащая из земли ржавая двуручная пила, «стрелковый тир» над водопадом, полусгнившая деревянная лестница, ведущая на Секирку, колонка, из которой с грохотом льется вода. И вдруг из этих деталей перед нами вырастает совсем

другой «великий пролетарский писатель», не тот, кого мы знаем по мажорным полотнам советских плакатистов и официальной хронике, а абсолютно одинокий, больной, смертельно уставший от жизни человек, ищущий Бога. Эта «самгинская» тема представляется необычайно важной в фильме и, надо думать, является определяющей в названии картины — «Страсти по Максиму». Неслучайно в этой связи и появление в титрах имени Андрея Руденского, в свое время великолепно сыгравшего Клима Самгина в одноименном фильме, а теперь прочитавшего закадровый текст.

Авторы «Страстей...»: слава Богу, не выносят приговоров времени и герою, не делают глубокомысленных выводов и не призывают себе в помощь известных деятелей искусства, политиков и прочих «культурных» персонажей. Фильм развивается как неспешное повествование о жизни человека, совершившего в июне 29-го года путешествие в ад. За эти несколько «соловецких дней» Горького перед нами пронесется вся его жизнь — от нижегородского детства до последних дней в особняке Рябушинского под «заботливым» сталинским присмотром.

Итак, чем стала для Алексея Максимовича эта поездка? Ответ на этот вопрос дать невозможно, не находим мы его и в фильме, потому что аллегорическое плавание по бурному Белому морю продолжается, а по каменистым дорогам Соловков по-прежнему ездит «эмка» 37-го года выпуска.

Ероп ОДИНЦОВ